СЕРГЕЙ КОСТРИКОВ

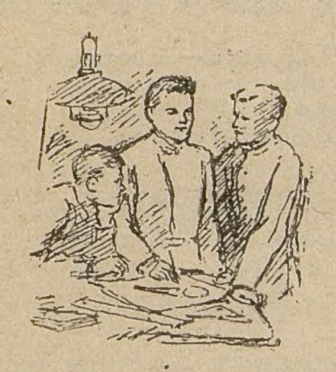


НАШ ТЕАТР

А. Голубева

СЕРГЕЙ КОСТРИКОВ

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ



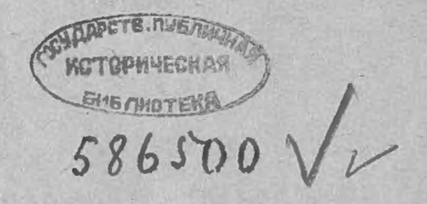
Рисунки И. Королева

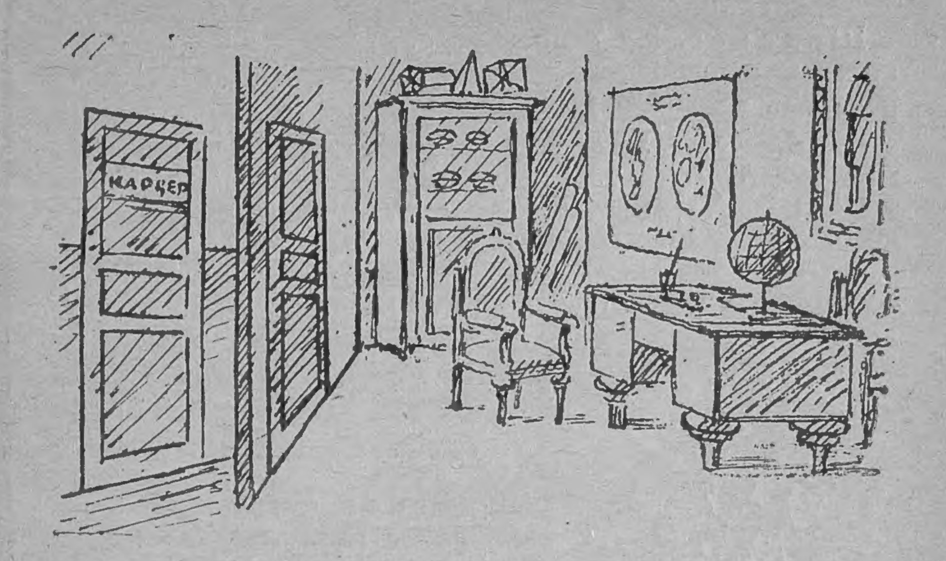
Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сергей Костриков.
Людмила Густавовна — квартирная хозяйка.
Матрена Петровна — кухарка.
Федор, Галя, Виктор Петрович — студенты.
Дмитрий Асеев, Василий Яковлев, Григорьев, Фатеев — ученики промышленного училища.
Алексей Саввич Широков — инспектор училища.
Макаров — школьный надзиратель.
Отец Павел — законоучитель.
Ефимыч, Михайла, Филиппов — рабочие Крестовниковского завода.
Пантелей Карпыч — артельщик.
Захар Егорыч — дворник, старик.
Полицмейстер.
Студент-распорядитель.
Генерал.

Рабочие, студенты, курсистки, полиция.
Действие происходит в 900-х годах в городе Казани.





ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кабинет инспектора Широкова. Перед дверью в кабинет видна часть коридора с дверью, на которой надпись: „Карцер". На стуле сидит Людмила Густавовна, в черном платье с белым рюшем у ворота и в шляпе. Старается держаться благородно, с достоинством.

Людмила Густавовна. В прошлом году у меня жили два студента, а теперь еще есть жиличка-курсистка.

Широков (*усмехнувшись*). Стриженая и с идеями?

Людмила Густавовна. Стриженая — да, но идей пока не заметно.

Широков. А студенты?

Людмила Густавовна. Вполне благонадежные студенты.

Широков. Костриков бывает у них.

Людмила Густавовна. Редко. Он, знаете, юноша провинциальный и еще робеет. Пока я за ним ничего предосудительного не замечала. Со мной вежлив. Из училища возвращается во-время.

Широков. Ну и прекрасно. Я вижу, что за парнем имеется правильный домашний надзор, и уверен, что и впредь надзор будет.

Людмила Густавовна. Будет. Обязательно будет. Это мой долг.

Широков (*привстав*). Позвольте пожелать вам всего хорошего, уважаемая мадам Сун...

Людмила Густавовна (*вспыхнув, перебивает*). Простите, я еще... не замужем.



Широков. А! Извините. Честь имею кланяться. (*Прощается.*)

Людмила Густавовна уходит.

Широков (*смотря ей вслед, копирует*). Простите, я еще не замужем. (*Хохочет.*) Ах ты, кикимора! (*Стук в дверь.*) Войдите!

Входит школьный надзиратель Макаров с фуражкой в руке, рядом, опустив голову, идет провинившийся ученик Фатеев.

Макаров. Вот-с, Алексей Саввич...

Широков. Фамилия? Какого класса?

Макаров. Фатеев, первого класса.

Широков. Скажите, пожалуйста, какой казанский щеголь! А? (*Фатееву*) Ты знаешь, что ученикам низшего механико-технического училища фуражку с синими кантами носить не разрешается?

Фатеев кивает.

Широков. Знаешь и все-таки нацепил. Правила о взысканиях тебе известны?

Фатеев (*бормочет*). Известны.

Широков. Что полагается за нарушения?

Фатеев молчит.

Широков. Читай вслух таблицу, болван!

Фатеев (*читает*). Правила о взысканиях, налагаемых на учеников средних технических и низших училищ, утвержденные министром народного просвещения. Параграф первый. Ученикам средних и низших училищ надлежит носить установленную форму, согласно циркуляра, утвержденного министром народного просвещения. Параграф второй. Каждый ученик обязан иметь при себе ученический билет. Ученикам первого и второго класса средних технических и низших училищ запрещено появление на улице после восьми часов вечера. Всякое посещение учениками театра, концерта и тому подобных зрелищ разрешается только с ведома господина директора, на что выдается специальное удостоверение.



Широков Ты что — собираешься все шестнадцать параграфов читать? Читай параграф седьмой, касательно тебя. Параграф седьмой гласит: (*Читает сам*) „Синие канты на фуражке ученикам низшего механико-технического училища не разрешены. За невыполнение — два часа карцера“. После уроков на два часа в карцер. Можешь итти.

Фатеев идет к двери.

Широков. Стой! Почему пуговица на рукаве оторвана?

Фатеев. Она все время была.

Широков. Может, я ее оторвал? После уроков на три часа в карцер — два за фуражку и час за пуговицу. Пошел!

Фатеев поспешно уходит.

Макаров. Татарин, а тоже — к франтовству привержен. Фуражку, Алексей Саввич, в шкаф убрать?

Широков, закуривая, кивает головой.

Макаров (*открывает шкаф с фуражками*). Здесь малость тесновато стало.

Широков. Придется второй шкаф поставить. Чорт побери! Легче быть смотрителем тюрьмы, чем инспектором над этими оболтусами. Ну, какие у вас еще сообщения имеются?

Макаров. Вчера я и Тумилович делали проверку по квартирам после восьми часов вечера. Пахомова и Чуенко, учеников третьего класса, не оказалось дома; вероятно, без разрешения были в театре.

Широков. Вызвать ко мне для объяснения на перемене. Дальше?

Макаров. Ученик второго класса среднего механического Николай Кузнецов самовольно переменил место жительства.

Широков. Это дело серьезное. Нужно выяснить, кто живет на новой квартире и почему Кузнецов туда переехал. А также установить, с кем он дружит.

Макаров. Будет установлено. (*Уходит.*)

Широков (*потягиваясь*). До чего я устал. Словно камни таскал на себе. И так каждый день.

Входит законоучитель отец Павел.

Отец Павел. Здравствуйте, Алексей Саввич!

Широков. Здравствуйте, отец Павел!

Отец Павел (*говорит слегка в нос*). Как мне ни неприятно вас беспокоить, но я вынужден это сделать. Вчера у меня на уроке случилась весьма прискорбная история. Ученик первого класса Асеев задал мне богохульный и каверзный вопрос: каким образом садятся святые херувимы?

Широков. Я не совсем понимаю вас, отец Павел.

Отец Павел. Святая наша церковь имеет много мучеников, великомучеников, угодников, архангелов, ангелов, серафимов и херувимов. Святых херувимов иконописцы обычно изображают так: голова и два крылышка. Такие херувимы летают вокруг престола всевышнего, радуют его пресветлый взор. А этот богохульник вдруг задает мне вопрос: как же садятся херувимы, раз у них только голова и крылышки? При этом изобразил святых херувимов оскорбительным способом. Вот так: голова и крылышки (*показывает*). Такие рассуждения о херувимах поселяют неверие в юных душах.

Широков. В карцер на восемь часов.

Отец Павел. Карцер не повредит, а как быть с учениками, которые ему тайно и явно сочувствуют? Их тоже в карцер?

Широков. А кто ему сочувствует?

Отец Павел. Товарищ его — Костриков.

Широков (*молча смотрит на отца Павла. Пауза*). Конфуз, отец Павел, получается. Костриков Сергей у нас один из отличных учеников. Ему сегодня в актовом зале должны дать награду первой степени. Вот видите — его похвальный лист и техническая книга (*показывает то и другое*).

Отец Павел. Может, повременить давать ему награду? А пока вызвать Кострикова, поговорить с ним. Мне — как пастырю духовному, вам — как инспектору.

Широков. Умная мысль. (*Звонит.*)

Входит школьный Служитель.

Широков. Позвать из низшего механико-технического училища ученика первого класса Кострикова Сергея.

Служитель. Слушаю... (*Уходит.*)

Пауза. Отец Павел берет газету, просматривает ее. Широков что-то пишет. В это время в коридоре показываются Костриков, Асеев и Яковлев.

Асеев. Вот увидишь, Сергей, Алексей Саввич не спроста тебя вызывает, — или выговор, или карцер.

Сергей. А ты на пальцах, как старая бабушка, погадай. Или дождик, или снег, или будет, или нет? Сейчас пойду и узнаю, в чем дело. (*Берется за ручку двери.*)

Яковлев хватает его за ремень.

Яковлев. Стой! Хочешь, я заговорную молитву прочитаю?

Сергей. Какую заговорную?

Яковлев. А такую, чтоб тебе от Алексея Саввича

не влетело. „Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его, сократи небо и землю и лютого инспектора для нас“.

Асеев. Это девчонки всегда перед экзаменами читают, — мне сестра говорила.

Сергей (*смеясь*). Перед экзаменами лучше на свою голову надеяться, чем на царя Давида. Ну, пошел. (*Скрывается за дверью.*)

Асеев и Яковлев уходят обратно в класс. Сергей входит в кабинет и молча кланяется.

Широков (*раздраженно*). Сейчас мне отец Павел рассказал про Асеева — он вчера на уроке задал богохульный вопрос. Как ты относишься к этому поступку своего товарища и одноклассника?

Отец Павел (*вкрадчиво*). Позвольте мне первому, Алексей Саввич, поговорить с Костриковым, как духовному наставнику и пастырю.

Широков. Пожалуйста, отец Павел, а я пока пройду к директору. (*Уходит.*)

Пауза.

Отец Павел (*пройдя мимо Сергея, вздыхает и опускается в кресло*). Ты, кажется, сын мой, круглый сирота?

Сергей. Сирота.

Отец Павел. С каких лет родителей потерял?

Сергей. С восьми.

Отец Павел. Прискорбно. Весьма прискорбно... Да-с. Но хоть один ты, как перст, остался, но не дали добрые люди, истинные христиане, твоим талантам погибнуть. В приют тебя приняли, за свой счет учиться послали. Ты должен это ценить, должен своих благодетелей радовать отличными успехами, примерным поведением.

Сергей молчит.

Отец Павел. Ты должен выбирать себе таких послушных товарищей, которые в бога веруют, началь-

ство почитают. Недаром говорится, что плохая овца все стадо портит, а у нас такая овца в классе завелась.

Сергей. Как же, батюшка, овца в класс попала?

Отец Павел. Это я иносказательно говорю, вроде притчи. Так вот, овца эта — богохульник Асеев.

Сергей. Богохульник?

Отец Павел. Безбожник и богохульник. Разве мыслимое дело такой вопрос о божественном задавать? Как и на чем сидят голова и крылышки?

Сергей. Батюшка, так об этом Асееву говорил я.

Отец Павел. О святых херувимах?

Сергей. Да. Еще до начала урока на перемене. Я хотел вас спросить, а Асеев опередил.

Отец Павел. Вот как! (*Пауза. Встает, подходит к Сергею и берет его за плечо.*) А, может, товарища выгораживаешь? А?

Сергей. Нет, батюшка. У меня таких вопросов много.

Отец Павел. Это тебя дьявол смущает. Молись своему ангелу-хранителю, Сергею Радонежскому. Молись.

Сергей. А с вопросами, батюшка, как?

Отец Павел. Задавай свои бесовские вопросы после уроков, в коридоре, чтобы других не смущать.

Широков (*входя*). Ну как, отец Павел, побеседовали?

Отец Павел. Побеседовали, Алексей Саввич, побеседовали. Иди, Костриков, к себе в класс.

Широков. Можешь итти.

Сергей уходит.

Отец Павел. Умный парень... Награду ему дать нужно... Но присмотр за ним особый иметь. Такие смелые, правдивые и умные нередко вольнодумцами бывают...

Занавес



КАРТИНА ВТОРАЯ

До поднятия занавеса слышны гитара и песня: „Там, где тинный Булак (*Идет занавес.*) со Казанкой-рекой, словно брат и сестра, обнимаются, — от зари до зари, лишь зажгут фонари, вереницей студенты шатаются". Студенческая комната. Студенты пьют вечерний чай. Галя хозяйничает у стола. Федор с гитарой сидит на кровати. В углу комнаты, у печки, заложив руки за спину, стоит Виктор Петрович.

Виктор Петрович. Собрание землячества в среду будет?

Галя. Отложили до субботы.

Виктор Петрович. Опять отложили! Почему?

Галя. Еще двух студентов арестовали — с филологического — и одну нашу медичку.

Федор (*зло и насмешливо*). Закрыли бы университет и вообще учебные заведения. Авось, спокойнее стало бы!

Виктор Петрович. А фабрики и заводы тоже закроешь? (*Смотрит на часы.*) Да, почему так долго Ефимыча нет?

Галя. Он обещался к девяти часам прийти.

Виктор Петрович. А сейчас уже половина десятого.

Федор. Наверное, запоздает. Ему ведь не близко — с Крестовниковского сюда итти.

Раздается звонок.

Галя. Ну вот, легок на помине. Наверное, он. (*Бежит открывать дверь и сейчас же возвращается.*) Это Сергей пришел. Посинел весь. Бегает в своей шинельке в такую плохую погоду. Простудится.

Виктор Петрович. Что же ты его не позвала чай пить?

Галя. Звала, да он не идет, смущается.

Федор. Сейчас я его приведу. (*Уходит и вскоре возвращается с Сергеем.*)

Сергей здоровается с Виктором Петровичем.

Виктор Петрович. Садись! (*Подвигает ему стул.*)

Галя. Я сейчас вас вишневым вареньем угощу. Вчера мои старики посылку прислали. (*Наливает чай.*) Вы любите, Сережа, вишневое варенье?

Сергей (*смущенно*). Не знаю.

Галя (*смеясь*). Как не знаете?

Сергей. Я клюквенное раз в Уржуме ел, а вишневого не пробовал.

Галя. Очень вкусное. Наша киевская вишня на всю Россию славится.

Федор (*шутливо*). А Днепр, Галя?

Галя. Отстань, Федор!

Федор (*патетически декламирует*). „Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит. Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина...“

Все добродушно смеются. Галя тоже рассмеялась.

Галя. Ну и люблю. Люблю Киев, люблю Днепр, белые садочки, люблю вишневое варенье, люблю Шевченко, люблю, як дивчины в вичер спивают. (*Неожиданно запевает*)

Стоит гора высокая, а пид горою гай,

Зеленый гай, густесенький,
Не наче справди рай!..

Люблю! Вот вам и все!

Виктор Петрович. Ну, а ты, Сережа, что любишь?

Сергей. Я песни тоже люблю.

Федор. Какие же ты песни знаешь?

Сергей. „Ах ты, сад, ты, мой сад..." Ее бабушка все пела. Потом солдатскую, потом еще одну. Ее студенты в Мещанском лесу пели. Только я не всю знаю, не до конца.

Виктор Петрович. Это что же за песня?

Сергей. А такая. (*Запевает вполголоса*)

Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину
И на бар и бояр и на прочих господ
Он поднимет родную дубину.
Эх, дубинушка, ухнем!..

Студенты неожиданно подхватывают хором, когда Сергей останавливается, не зная дальше слов. Песню допели.

Виктор Петрович. Вот мы и до конца ее спели.

Сергей. Хорошая песня.

Федор. Да, не плохая... Только ее больше в лесах поют.

Сергей. Студенты тоже в лесу пели. Почему это?

Виктор Петрович. Да уж такая песня — лесная.

Сергей. А если громко на улице запеть?

Федор. За решетку угодишь.

Сергей. Значит, ее тайком поют?

Федор. Да, песня запрещенная.

Сергей. А кто же запрещает? Городовые, что ли?

Виктор Петрович. Почему городовые?

Сергей. Я так думаю. У нас в Уржуме городовые во все мешаются, — и за политическими глядят, и в участок сажают, и у бабушки самовар описали и медяник.

Виктор Петрович (*переглянувшись с Федором*). Вот оно что!

Сергей. Почему налог не отдала. Пришли и взяли. А городовой еще улыбается... Приятно, говорит, вам

оставаться!.. Бабушка плакала. У ней только и удовольствия было, что чаю попить!

Виктор Петрович. Гм. Так!.. Ты насчет песни спрашивал... Так не городовые ее запрещают! В России, кроме них, мерзавцев хватает.

Пауза.

Сергей. А эту песню только студенты поют?

Виктор Петрович. Нет, и рабочие, случается, запевают.

Сергей. Тоже, наверно, в лесу?

Федор (*засмеявшись*). Ну, парень, из тебя вопросы как из дырявого мешка сыплются. Что, как, зачем, для чего, почему?..

Сергей хохочет.

Виктор Петрович. Ты чего?

Сергей (*Федору*). А вы вроде моей бабушки. Ей бывало как вопрос задашь, так она сразу спросом назовет.

Федор. Как?

Сергей. Спросом. Зачем спрашиваю...

Раздается звонок.

Галя. Это, наверное, Ефимыч. Федор, беги открывать.

Федор уходит и возвращается с рабочим. Ефимыч здоровается со всеми.

Виктор Петрович (*указывая на Сергея*). Это наш сосед по квартире — Сергей Костриков.

Ефимыч. Озяб. Такой ветрище — с ног валит!

Галя. Сейчас я вам горячего чаю налью. Сразу согреетесь.

Ефимыч (*подсаживаясь к столу*). Давно у вас в гостях не был.

Федор. Чего ж вы нас забываете?

Ефимыч. Я бы рад, да за двенадцать часов работы на заводе так измотаешься — еле ноги волочишь... И потом... (*Смотрит на незнакомого Сергея.*)

Федор кивает головой: мол, свой, при нем можно.

Ефимыч. Да и потом... только недавно ваши книжечки прочел. Одна еще у Михайлы осталась. Новеньких дадите? (*Расстегивает жилетку и вытаскивает из-под рубахи две книжки.*)

Сергей изумленно, весь подавшись вперед, смотрит на рабочего.

Ефимыч (*усмехнувшись*). Удивляетесь, молодой человек? Ветрено сегодня, вот я их подальше и убрал, а то еще простудятся, неровен час.

Виктор Петрович. Это верно, ветрено... Погодка суровая...

Ефимыч. А я так прикидываю, что скоро ледоход будет.

Сергей. Ледоход? Зимой?

Виктор Петрович. Ну, если ледоход на носу, тогда, пожалуй, и птиц пора выпускать.

Ефимыч. Птичек восемьсот у вас будет?

Федор. Да уж выведем к нужному сроку. Сейчас я вам новеньких дам. (*Лезет под кровать и вытаскивает оттуда толстую книгу.*)

Ефимыч. Как называется?

Федор не успевает ответить, в дверь стук, голос: „Можно войти?“ — и, не дождавшись ответа, влетает Людмила Густавовна. Федор мгновенно прячет книгу под тужурку.

Людмила Густавовна. Феденька, вы что спрятали под тужурку?

Федор. Я? Абсолютно ничего.

Людмила Густавовна. Зачем вы лжете? Я видела. У вас под тужуркой спрятана книга? Что это такое?

Федор. Это? Ценная книга!.. Капитал!

Людмила Густавовна (*в ужасе*). „Капитал“? Маркса? В моем доме запрещенная книга. Боже! Сейчас же отдайте.

Федор (*со вздохом*). Извольте.

Людмила Густавовна схватывает книгу и, добежав до авансцены, подносит к глазам лорнет.

Людмила Густавовна (*читает*). „Поваренная книга. Сто тысяч советов молодым хозяйкам“. Что за

глупые шутки?! Это безобразие! Это издевательство над беззащитной женщиной. Мальчишка! (*Бросив книгу, убегает.*)

Федор, выглянув за дверь, хохочет.

Федор. Неплохо вышло, обложка-то пригодилась. В середине Чернышевский — „Что делать". (*Отдает книжку Ефимычу.*)

Сергей (*в раздумье*). Так, значит, не одни песни — и книги запрещенные есть?

Федор. Попадаются.

Сергей. А про что в них написано?

Федор. Про жизнь.

Сергей. Ну, а этот Чернышевский — кем он был? Что делал, а? Он что же — студент был или рабочий? Молодой?

Виктор Петрович. Нет, ты, знаешь, положительно знак вопросительный. Опять вопросы как из мешка!

Ефимыч. А по-моему — он парень хороший. И правильно спрашивает!.. Вот что, у меня к тебе, молодой человек, просьба. Сделай ты мне одолжение, сходи на Тимофеевскую за горячими баранками. Уж больно я люблю чай с баранками пить.

Сергей. Давайте, схожу. (*Уходит.*)

Ефимыч. Смекалистый паренек, толковый.

Виктор Петрович. При известных условиях из него нужный человек выйдет. Нужно им поближе заинтересоваться... Вот я его с собой на завод возьму... Пусть... поглядит!.. Ну, Ефимыч, рассказывай о ледоходе.

Федор (*выглянув еще раз за дверь*). Ушла!..

Ефимыч. Так вот, друзья! Наши рабочие к стачке готовы. В скором времени можно будет братьям Крестовниковым за их тяжкие заботы о нас громко рабочее спасибо сказать.

Федор. Значит, мы листовки для вас, Ефимыч, не зря приготовили.

Виктор Петрович. Я или Федор принесем их к вам на Крестовниковский, а вы их там расшуруете... Федор, кинь-ка мою фуражку.

Федор бросает фуражку, Виктор Петрович вытаскивает из фуражки папиросную бумажку и развертывает ее.

Виктор Петрович. Вот текст наших листовок. Мы взяли его из статьи Ленина, которая называется „Насущные задачи нашего движения". Перепечатана из газеты „Искра". Слушайте, товарищи. (*Читает*) „Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы..."

Появляется Сергей со связкой баранок, тяжело дыша.

Сергей. Казаки на улице! Человек пятнадцать... В нашу сторону скачут.

За окном раздается топот.

Федор. Сейчас узнаем, в чем дело.

Галя. Я тоже с вами.

Виктор Петрович (*нахлобучив фуражку*). Вы нас подождите, Ефимыч.

Ефимыч. Да, я пережду маленько.

Все уходят. Снова слышен топот копыт. Ефимыч подходит к окошку, Сергей тоже бросается к окну.

Сергей. Арестовывать поехали?

Ефимыч. Да уж они себе работу найдут. Жалованье от царя не даром получают.

Сергей. В сторону Марусовки поскакали. Неужели всех арестуют?!

Ефимыч (*усмехнувшись*). Всю Россию в тюрьму не посадят. Казематов нехватит...

Занавес



КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Двор Крестовниковского завода.
Идет погрузка. Скрипит цепь блока. Медленно поднимаются ящики с мылом. Один за другим идут, сгибаясь под тяжестью груза, оборванные, грязные рабочие.
Появляются Виктор Петрович и Сергей.

Виктор Петрович. Подожди меня здесь, я на минутку забегу в контору. (*Многозначительно*) Вот тебе и знаменитый Крестовниковский завод. (*Уходит.*)

Скрипит блок. Слышатся крики: „Давай!.. Принимай!“ Сергей, прислонившись к столбу, ждет.

Филиппов (*сбрасывает ящик на землю, рядом ставит ящик рабочий Михайла*). Ой, взопрел весь, дай малость передохну.

Михайла. Как бы Пантелей не увидел, шныряет, чорт, по двору, что крыса.

Филиппов (*вытирая пот и прислонившись к ящикам*). Знаешь, чем на Алафузовке стачка кончилась?

Михайла. Знаю. На час рабочий день сократили и жалованье красильщикам прибавили.

Филиппов. Ну, и нам дремать нечего. Нужно свои требования выставлять.

Пантелей Карпыч (*появляется из-за ящика*). Ты что же, милый человек, ящики подпираешь? И без тебя не упадут.

Филиппов и Михайла угрюмо смотрят на артельщика.

Пантелей Карпыч. В воскресенье, милые люди, дома отдыхать будете, а здесь работать надо.

Михайла. Мы и так работаем, а не в бабки играем.

Пантелей Карпыч. Эх, доведет тебя язык до беды. (*Стучит по записной книжке карандашиком.*) Продолжай погрузку, продолжай.

Филиппов и Михайла, злобно поглядев на артельщика, уходят. Пантелей Карпыч качает головой и что-то записывает в свою книжку. Справа появляется Женщина. На руках у нее грудной ребенок, а за юбку держится босоногая девчонка в рваном платьишке, лет девяти, с платком на плечах.

Женщина (*низко кланяясь*). Здравствуйте, Пантелей Карпыч. Я до вас пришла. Примите, Христа ради, обратно Петра на завод. Погибаем, Пантелей Карпыч. Третий день не жравши сидим. (*Всхлипывает.*) В доме все подчистую. Ни продать, ни заложить.

Пантелей Карпыч. Экий вы беспокойный народ. Сначала бунтовать, потом пороги обивать. Это он тебя послал?

Женщина. Нет, Пантелей Карпыч, сама пришла. Ребята у меня. Четверо.

Пантелей Карпыч. Да-а. Ничем, милая, тебе помочь не могу. У нас бунтовщиков обратно не принимают. Порядок такой.

Женщина (*толкает в спину дочку*). Аришка, проси за отца. Чего, дура, стоишь? Проси!

Аришка ревет и прячется за мать.

Пантелей Карпыч (*как бы шутя, тычет пальцем девчонку в бок*). Что, животишко-то подвело? Вот придешь домой, папаньке и скажи, чтоб не бунтовал. Так-то. А то с голоду сдохнете. Ну, идите отсюда, не мешайте людям работать.

Женщина. Ой, горькая моя головушка! Пропадем мы!

Появляется в глубине двора Ефимыч, который всю эту сцену видит.

Пантелей Карпыч (*назидательно*). Не пропадешь, молиться богу надо, милая.

Женщина уходит. Девчонка, держась за юбку матери, плетется сзади. Пантелей Карпыч прихрамывая шагает за ними. Сергей бросается на него сзади с сжатыми кулаками.

Ефимыч (*неожиданно появившись, хватает Сергея за руку*). Ой, парень! Полегче!.. Ты чего горячку порешь?

Сергей (*гневно и страстно*). А вы что ж терпите?

Ефимыч. Экий ты, сынок, порох. На фабриках и заводах еще не то бывает! Люди заживо кислотой обвариваются. На Алафузовской прядильной фабрике сколько нашего брата рабочего ослепло. Трахома сильно губит. Ад кромешный.

Сергей (*негодуя*). Какой же чорт такую поганую жизнь устроил?! Неужели виноватых нет?!

Ефимыч (*быстро оглянувшись*). Ты такие слова, Сережа, с осторожкой говори. Ветрено здесь! Занесет не в те уши. У нас такие есть, что в охранке служат. Тот же Пантелей Карпыч. (*Улыбнувшись*) Недаром ты мне, кипяток, сразу понравился. Справедливый!.. По душе пришелся еще с того раза, когда за баранками бегал.

Сергей. Вы тогда нарочно так говорили, чтобы я ничего не понял. И за баранками нарочно послали. Да?

Ефимыч. Не все, брат, сразу и прямо скажешь. Вот ты спрашиваешь, кто виноват. А я тебе расскажу вроде как басню, — ты и пойми сам, кто виноват! (*Оглянувшись, кивает в сторону ящиков.*) Пойдем-ка туда, пока наш главный сыщик в контору пошел. (*Закурил, присел на ящик.*) Ну, слушай! Стоит себе дом,

старый дом, труба набок легла, из-под пола дует, окна рассохлись, двери скрипят. Холодно, грязно, погано. А в дому народ живет. Тяжко, сынок, живет, мается. Ни к чорту дом не годится! А кто виноват?

Сергей. Царь виноват.

Ефимыч (*привскочил*). Да ты, дурной, потише. Больно уж догадлив. Я тебе что рассказал? Про гнилой дом, значит, — кто виноват, что он сгнил? Хозяин виноват. Ты так бы и говорил, а ты вон куда метнул. Знаешь, что за такие слова бывает? В Сибирь, на каторгу.

Сергей. На каторгу?

Ефимыч. Приходи ко мне вечерком. Потолкуем.

Появляется Пантелей Карпыч, и Ефимыч быстро скрывается в кислотном цеху. Пантелей Карпыч, косо взглянув на Сергея, проходит мимо. Сергей со злостью смотрит ему вслед. Появляется Виктор Петрович.

Виктор Петрович (*запыхавшись*). Ну чего, хлопец, задумался? Пошли к Ефимычу.

Сергей. (*возбужденно*). Женщина здесь пришла, дома ребята голодные. За мужа просить пришла, а он, подлец, говорит: молись, не пропадешь... Копоть лампадная.

Виктор Петрович. Артельщик, что ли?

Сергей. Он.

В это время из цеха на них налетает Рабочий, сталкиваясь с Виктором Петровичем.

Виктор Петрович (*сердито*). Глядеть, братец, надо! Чуть с ног не сбил.

Рабочий. Несчастье в кислотном! Ефимыч обварился.

Виктор Петрович. Ефимыч!

Бросается вместе с Сергеем опрометью в цех.

Занавес



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кухня. Вечер. Слышно, как за окном шумит ветер и хлещет дождь. За столом сидит кухарка Матрена Петровна и, оседлав нос очками, что-то шьет. Уныло и робко горит семилинейная керосиновая лампочка.

Матрена Петровна (*прислушиваясь*). Ишь, и льет и льет без передышки. Отошли ясные денечки.

Входит Людмила Густавовна с собачкой на руках, в голубом капоте, волосы закручены в папильотки.

Людмила Густавовна. Матрена, Сергей еще не вернулся?

Матрена Петровна. Нету.

Людмила Густавовна. Девять часов, а он неизвестно где пропадает. (*Уходит.*)

Матрена Петровна. Чистый сыщик в юбке, прости, господи. Все ей надо. Кто ушел, кто пришел, да во сколько, да зачем, да откуда. Тьфу!.. (*Вдевает нитку в иголку. Сердито*) Лезь, дура, лезь!..

Входит Виктор Петрович.

Виктор Петрович. Вы кому это?

Матрена Петровна. Да вот нитку никак не вдеть.

Виктор Петрович. Давайте вдену. (*Вдевает.*) Нельзя ли, Матрена Петровна, самоварчик поставить?

Матрена Петровна (*снимая очки*). Можно.

Виктор Петрович. Сергей еще не приходил?

Матрена Петровна. Нету еще.

Виктор Петрович. Как придет, скажите ему, что я здесь. (*Уходит.*)

Матрена Петровна. Скажу.

Матрена Петровна начинает ставить самовар; стук в дверь. Матрена Петровна открывает. Входит Сергей.



Матрена Петровна. Пришел, ученый. Ой, ну и вымок ты, как рыба. Раздевайся, парень, скорее. Сейчас самовар поспеет, согреешься. Пришел Виктор Петрович, тебя спрашивал.

Сергей, хмурый и озабоченный, снимает пальто и стряхивает его у дверей.

Матрена Петровна. Небось, и сапоги промочил?

Сергей. Немножко есть.

Матрена Петровна. Давай-ка я их на печку положу.

Сергей. Спасибо, Матрена Петровна. (*Снимает сапоги.*)

Матрена Петровна (*берет сапог, засовывает в него руку, и пальцы ее вылезают наружу через рваный носок*). Вот так немного промочил... Как есть наскрозь. Ой, парень, схватишь ты чахотку в таких сапогах. (*Лезет на печку и ворчит*) Мыслимое ли это дело в слякость да в холод по такой мокроте босиком бегать.

Входит Виктор Петрович.

Виктор Петрович. Здорово! (*Отведя в сторону Сергея, тихо*) У Филиппова был?

Сергей. Был. Все передал.

Виктор Петрович. Как здоровье Ефимыча?

Сергей. Сильные ожоги. Говорят — плох.

Виктор Петрович. Так!.. Завтра вечером у Филиппова можно собраться?

Сергей. Сказал, что можно.

Виктор Петрович (*смотрит пристально на Сергея*). Ты чего такой хмурый?

Сергей. Неприятности в училище.

Виктор Петрович. Что именно?

Сергей. Попечители отказались за мое ученье платить.

Виктор Петрович. Вот скоты толстопузые. Откуда ты узнал?

Появляется на печке голова Матрены Петровны. Она слушает их разговор.

Сергей. Сегодня Алексей Саввич сказал. Дал срок до двадцатого числа. Если двадцатого не внесу плату за ученье, — исключат... Напишу в Уржум. Может, что случилось.

Виктор Петрович. Ни черта с ними не случилось. А уж такая их натура — купеческая. Сначала похвастались: вот, дескать, какие мы благодетели — отправляем парня за свой счет учиться, а потом тридцати целкачей стало жалко. Узнали, что ты хорошо учишься, и решили: такой способный парень сам пробьется. Ну, и пробивайся, раб божий... на казенный счет. Придется тебе в педагогический совет прошение подавать.

Матрена Петровна (*выходя из-за печки*). А я, Виктор Петрович, прямо скажу: бедному человеку учиться карман не дозволяет. Бедному мастеровать надо: в плотники, в сапожники, в столяры итти. Ученье, ученье, а до чего оно доводит? В прошлом году студент у нас жил, Михаил Иваныч, на доктора учился. Так бывало, вроде тебя, не жравши, не пивши, сапоги драные, а он в дождь и снег на свои лекции бежит, торопится. Вот и добегался до земельного общества.

Сергей. До какого?

Матрена Петровна. До земельного, в землю зарыли — помер. Чахотку получил.

Виктор Петрович (*сухо*). Про Михаила Ивановича это уже ни к селу ни к городу.

Матрена Петровна. И очень даже к месту. (*К Сергею*) Давай-ка, парень, я тебя лучше по столярному делу пристрою. У меня на Поповой Горке знакомый старичок-столяр живет. Давно себе подручного подыскивает...

Сергей. Спасибо, Матрена Петровна, мне учиться охота.

Матрена Петровна. Заладили одно — учиться, учиться, а какой толк от этого ученья? Хватишь ты, парень, соленого до слез со своим ученьем. (*Идет к самовару.*)

Виктор Петрович с Сергеем, переглянувшись, улыбаются.

Виктор Петрович. Подавай прошение в педагогический совет. Тебя, как хорошего ученика, должны на казенный счет оставить.

Сергей. Подам.

Виктор Петрович. Придется тебе, дружище, на круглые пятерки учиться, а не то от ворот поворот. (*Подмигнув в сторону Матрены Петровны*) „Бедным учиться карман не дозволяет". Слышал? Чорт возьми! Только головы ни в коем случае не вешать. Жизнь тебя под микитки, а ты ее за горло и на лопатки. (*Шутя берет Сергея за плечи и как бы хочет положить*) Вот так, как во французской борьбе. Ты видел французскую борьбу?

Сергей. Нет.

Виктор Петрович. Мы как-нибудь с тобой, братец, на это зрелище сходим. Презанятное зрелище. Я немножко сам французской борьбой увлекаюсь... Уже три приема усвоил. Тур де бра, тур де тет, нельсон. Могу тебя научить.

Сергей. Чтобы жизнь на лопатки класть?

Виктор Петрович. Эх ты, брат, какой заноза. Уже и подцепил (*смеется*). Ну, заниматься пошел.

Сергей. Я тоже сейчас чертить буду. Сложный чертеж к завтрашнему дню задали.

Виктор Петрович. Ну, ну, одолевай. (*Уходит.*)

Сергей подходит к столу.

Матрена Петровна. Погоди, я стол сейчас вымою.

Сергей. Я сам. (*Берет нож, скоблит стол, поливает кипятком и насухо вытирает тряпкой.*)

Матрена Петровна (*возясь с самоваром*). Ишь ты расфыркался, что кот. (*Уносит самовар в комнату.*)

Сергей. Ну вот, теперь и позаймемся. (*Прикалывает кнопками большой лист бумаги и усаживается за стол.*)

Матрена Петровна (*входя*). Ну, дорвался, голубчик, теперь всю ночь сидеть будет... (*Намочив голову под рукомойником, садится и начинает гребнем расчесывать волосы, заплетая их в тоненькие косицы. Запевает песню*) „Ах ты, сад, ты, мой сад, сад зелененький, ты зачем рано цветешь, осыпаешься?.."

Сергей начинает ей тихонько подпевать.

Матрена Петровна. Знаешь песню?

Сергей. Бабушка ее часто пела.

Матрена Петровна. Старинная песня, чувствительная. Я в девках ой сколько песен знала.

Сергей напевает мотив без слов.

Матрена Петровна. Бабушка у тебя старая?

Сергей. Скоро девяносто годов будет. Уже видит плохо.

Матрена Петровна. Небось, о доме-то скучаешь?

Сергей. Скучаю... иногда... Река у нас Уржумка, быстрая, веселая, а около речки — заливные луга. Выкупаешься, идешь, — трава густая до плеча... Хорошо! На пруду у мельницы щуки здоровые водятся... Мы с Сенькой раз такую зубастую барыню поймали, фунтов на десять... Она ему чуть палец не отхватила...

Матрена Петровна. И очень просто. Отхватит. Она рыба злобная, жадная. Говорят, утопленниками не брезгает... Здесь на Волге щука тоже зубастая... (*Зевает.*) Ну, пора и на покой. (*Уходит за печку.*)

Сергей чертит. Тишина. Слышно, как каплет из рукомойника вода в лохань. За печкой храпит Матрена Петровна. Входит Людмила Густавовна.

Людмила Густавовна. Гаси лампу!

Сергей. Мне нужно к завтрему чертеж сдавать.

Людмила Густавовна. А мне какое дело. Керосин еще на копейку подорожал. (*Тушит лампу, уходит к себе.*)

Сергей (*сидит в темноте, потом чиркает спичку и усмехается*). Вот собачья королева. (*Зажигает лампу.*)

Дверь распахивается, и влетает Людмила Густавовна.

Людмила Густавовна. Я кому сказала — гаси лампу? Что — я с тобой шутки шучу? Я не обязана тебя бесплатно содержать. Купцы-благодетели отказались за тебя платить. Сегодня письмо получила. Ищи себе другую квартиру. Я на твое место найду юношу почтительного, благонравного и... благонадежного. Пфу! (*Тушит лампу и уходит, хлопнув дверью.*)

Сергей сидит, подперев голову обеими руками, чиркает спички, из-за печки в шали выходит Матрена Петровна, на ее ладони крохотный огарок свечки.

Матрена Петровна. Не судьба тебе быть ученым. Давай-ка, парень, я тебя завтра поведу к столяру.

Сергей. Спасибо, Матрена Петровна, учиться мне охота... (*Настойчиво*) А чертеж я сделаю. Завтра пораньше в училище пойду и до уроков сделаю.

Занавес



КАРТИНА ВТОРАЯ

До поднятия занавеса слышно, как что-то заколачивают. Открывается занавес. Яковлев, засунув руки в карманы, стоит около Сергея и что-то жует. Сергей с молотком в руке, опираясь коленом о край топчана, вбивает гвозди.

Асеев (*сидит за столом и чертит, напевая*). „Царица Тамара жила, прекрасна как ангел небесный, как демон коварна и зла...“ (*Бросая циркуль*) Ни черта не получается.

Яковлев. Ясно, не получится. Иль шестеренку черти, иль романсы распевай.

Асеев. Жуй лучше. Подавишься. Проповедник.

Сергей. Что у тебя, Мить, не выходит? (*С молотком под мышкой подходит к товарищу.*)

Асеев. Да шестеренку проклятую вычертить не могу. Окружность косая получается.

Сергей. Ну-ка, покажи. Дай-ка циркуль. Эх ты, чучело-мучело. Смотри — он у тебя развинтился. Разве таким циркулем вычертишь? (*Завинчивает.*)

Асеев. Вот чорт, не заметил.

Яковлев. Известная растяпа. Вчера мой рейсфедер взял и не вытер, а теперь он заржавел.

Сергей. А зачем ты окружность чертишь? Ведь задано в изометрии.

Асеев. В изометрии? А я думал—фронтальным.

Яковлев. Думал. Растя-па.

Сергей. Давай транспортир... Сперва строим куб. На правой боковой грани у нас будет эллипс. Та-ак. (*Чертит, увлекаясь.*) Теперь строим эллипс на противоположной стороне, затем соединяем фокусы, теперь... (*Опомнившись*) Да. Что же ты стоишь? На линейку, циркуль — и черти сам.



Асеев, вздохнув, садится чертить.

Яковлев. Митенька думал, что ты за него начертишь...

Асеев. Ехидна...

Яковлев. Смотри, не забудь вычистить мой рейсфедер.

Асеев. Ладно. Отстань. Смола. (*Поет*) „...прекрасна как ангел небесный, как демон коварна и зла".

Сергей (*вколотив гвоздь*). Ну вот, еще один гвоздик—и все готово.

Яковлев. Ложе-то какое получилось. Достойное короля!

Асеев. Сказал тоже. Разве короли на таких топчанах спят? (*Садится на стол.*) Короли спят на золотых кроватях, под бархатными балдахинами. По утрам короли купаются в мраморном бассейне, потом садятся на арабского скакуна и охотятся за диким вепрем или оленем. На охоты также ездят бесстрашные красавицы-королевы...

Яковлев. Ишь ты, как королевские обычаи знаешь. Ты, грешным делом, не королевский ли сын? А?

Асеев. Поднимай выше. Я сын кухарки. У меня

мамаша в Уфе в кухарках у фотографа служит. Про королевское житье я в книжках вычитал.

Сергей. Ну, хватит вам о королях. Посмотрите лучше на мой топчан. Кажется, крепко.

Асеев. А это мы сейчас узнаем. (*Прыгает со стола прямо на топчан.*) Крепко!..

Яковлев. А двоих выдержит? (*Вскакивает на топчан. Оба приплясывают.*)

Сергей. Что вы, черти! Топчан сломаете! (*Хватает их за ноги.*)

Асеев. Ой, Сережка, не трогай за поджилки, щекотки боюсь! (*Падает на Яковлева.*)

На них сверху наваливается Сергей. Начинается шумная, веселая возня. Во время борьбы раскрывается дверь, и входит дворник Захар Егорыч. В огромном тулупе с поднятым воротником и в шапке-ушанке. Старик похож на деда Мороза.

Дворник. Господин Асеев дома?

Асеев. Дома, Захар Егорыч, дома! (*С трудом выбирается из-под Сергея и Яковлева.*)

Дворник. Написать адресок надо. (*Дает ему конверт.*)

Асеев. Сейчас. Садись, Захар Егорыч.

Яковлев. А ты, Серьга, сильный.

Сергей. Кой-какая силенка есть.

Дворник. А это что за молодой человек, личность мне незнакомая?

Яковлев. Это Сергей, наш товарищ по училищу. Он к нам жить перебрался.

Дворник. Жить? Тесновато вам, кавалеры, будет.

Асеев. В тесноте, да не в обиде.

Дворник. Это правильно, для хорошего товарища и потесниться не грех.

Асеев (*за столом*). Адрес тот, что всегда пишу?

Дворник. Да, да. Вятская губерния, Уржумского уезда, Ореховской волости, деревня Орехово. Семену Егорычу Котышеву.

Асеев (*надписывает конверт*). На вот, написал.

Дворник бережно прячет письмо за пазуху.

Сергей. А мы с вами, оказывается, земляки, я тоже вятский, из города Уржума.

Дворник. Из Уржума. Скажи, пожалуйста! За восемь лет только двух земляков встретил. В прошлом году старика в бане, а теперь тебя! На какой же улице проживали?

Сергей. На Полстоваловской.

Дворник. А сам-то вы чей будете?

Сергей. Кострикова, Мирона Ивановича.

Дворник. Батюшки мои! Выходит, Маланьи Авдеевны внук?

Сергей. Да.

Дворник. Я вашу бабушку даже очень хорошо знаю. Когда она в няньках у акцизного чиновника Перевозчикова жила, я этому чиновнику дрова пилил. Хорошая женщина. Справедливая. Эх, поговорить-то как нагрех некогда. Нужно на дежурство спешить.

Асеев. А ты завтра, Захар Егорыч, приходи.

Дворник. Ужо обязательно зайду. Надо бы, кавалеры, его новоселье отпраздновать. Ну, пока, земляк. (*Прощается и уходит.*)

Асеев. А это мысль невредная — насчет новоселья. Чорт возьми, не купить ли нам, Сергей, к чаю баранок по случаю твоего переезда? Васька, у тебя деньги есть?

Яковлев. Есть... двадцать три копейки.

Асеев (*вынимая монету за монетой из карманов штанов*). У меня... три копейки, пятачок, еще две копейки, копейка... Еще где-то копейка была.

Яковлев. Была, да сплыла. Забыл, вчера стакан хлебного квасу выпил?

Асеев. Эх, верно. Жалко.

Сергей (*выворачивая карманы*). У меня, ребята, всего четыре копейки.

Асеев. Десять копеек, двадцать три и четыре, — всего капиталу тридцать семь копеек. Васька, беги в булочную, купи фунт баранок и на пять копеек ореховой халвы.

Яковлев. А на какие шиши завтра обедать будем?

Асеев. Ну, заскулил. Обедать, обедать. А, по-моему, лучше хоть один раз в жизни съесть чего душе хочется, чем каждый день хлебать бурду в нашей столовке.

Яковлев. Ну, чорт с тобой, уговорил. Давай деньги.

Асеев. Мчись, Васька. (*Дает деньги.*)

Яковлев. Мчись. А в чем?
Асеев. Надевай сапоги.
Яковлев. Они у меня на печке сушатся.
Асеев. Ну и что же? Сними.
Яковлев. Ишь ты! Я их только вычистил.
Сергей. Надевай мои.
Асеев. Твои и так рваные, чего их трепать. На, чорт жадный, бери мои. (*Садится и снимает сапоги.*) И в кого ты, Васька, такой?
Яковлев. В деда. Он у нас старик бережливый. (*Одевается, бежит к дверям.*)

Входит Виктор Петрович. Яковлев здоровается и убегает.

Сергей. Виктор Петрович!
Виктор Петрович. Я. Здравствуйте! Решил узнать, как ты на новоселье устроился.
Сергей. Отлично устроился.
Виктор Петрович. Ну и добре. (*Присаживается на табуретку, не снимая пальто и фуражки.*)
Асеев. Виктор Петрович, чай будете с нами пить?
Виктор Петрович (*думая о другом*). Чай?.. Чай?.. Что ж... Чаю можно.
Асеев. Я сейчас за кипятком мигом слетаю.
Сергей. На сапоги.
Асеев. Васькины с печки возьму. (*Хватает со стола чайник и исчезает.*)

Пауза.

Виктор Петрович. Я только что из больницы... Умер Ефимыч.
Сергей. Умер?... Умер Ефимыч! Как же это? Что же теперь делать, Виктор Петрович?!

Длительная пауза.

Виктор Петрович. Что делать! Мы знаем, что нам делать. Мы должны проводить его на кладбище, как любимого товарища, как самого дорогого друга. Ко дню похорон необходимо выпустить листовки, чтобы была тысячная демонстрация. На его могиле выступят

рабочие. К крестовниковским присоединятся другие фабрики и заводы, поддержат стачку. Это будет ответ на его смерть. Пусть знает вся Казань имя погибшего Ефимыча, загубленного братьями Крестовниковыми. Все должны прийти на демонстрацию — и рабочие и студенты.

Сергей. Нашим промышленникам тоже сказать надо.

Виктор Петрович. Обязательно скажи. Теперь необходимо об одном подумать... О листовках. На гектографе далеко не ускачешь. Здесь тысячи листовок нужны. Хорошо бы станок смастерить или наборную коробку с валиком... Да где только такую мастерскую найдешь?

Сергей (*который сидел задумавшись, порывисто*). Знаю где!.. У нас в училище.

Виктор Петрович. Ну, ну?

Сергей (*прерывисто, шопотом*). У нас в механических печатный станок чинят. Из какого-то благотворительного общества прислали. Так вот... Нельзя ли его?!

Виктор Петрович. Достать?

Сергей. Да.

Виктор Петрович. А кто его чинит?

Сергей. Мы трое, Асеев, Яковлев и я. Мастер урок нам задал. Закончить через два дня работу.

Виктор Петрович (*схватив Сергея за руку*). Раньше починить надо. Завтра. Понимаешь?!..

Сергей. Понимаю. Мы приналяжем.

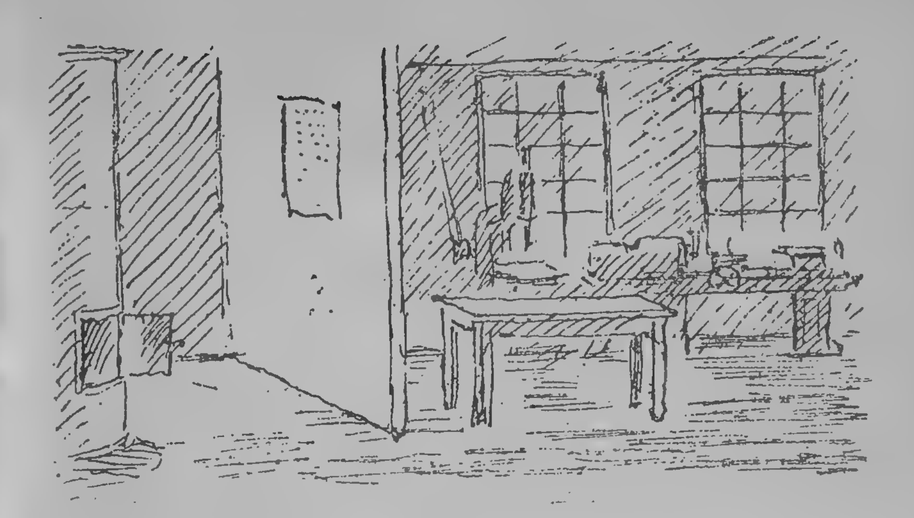
Виктор Петрович (*медленно и значительно*). Если удастся тебе, Сергей, достать этот станок, мы больших дел наделаем.

Сергей (*взволнованно*). Все, все сделаю, чтоб достать.

Виктор Петрович. Давай условимся так: если завтра вы почините станок и его можно будет... взять, то ты придешь в городской театр, там я тебе сообщу пароль и адрес, куда доставить станок. (*Взяв за плечи Сергея*) Только об этом ни-ко-му!

Сергей. Ни одна душа не узнает.

Занавес



КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Школьные механические мастерские. Сергей, в фартуке и засучив рукава, чинит печатный станок, ему помогают Асеев и Яковлев.

Асеев. Много еще работы?

Сергей. Хватит. Вася, давай, давай пошевеливайся.

Яковлев. Я, Сережа, прямо упарился.

Сергей. Теперь немножко осталось. Края обравнять, валик подгоним, винты подберем, потом поставить валик — и все готово.

Фатеев. Хорошо починил, — мастер хвалить будет.

Асеев. Лучше бы не хвалил, а в театр отпустил. Сегодня афиши по городу расклеены. В театре студенты вечер устраивают. Эх, попасть бы!.. Посмотреть.

Яковлев. А деньги откуда на билеты возьмешь?

Григорьев. Знакомые студенты без билета проведут, да только бардадым не разрешит.

Входят: инспектор Широков, старик Мастер, заведующий мастерской, и двое гостей: Полицмейстер, кряжистый, с холеными усами, и штатский Генерал, сутулый лысый старик.

Широков. А вот наши механические мастерские, ваше превосходительство!

Генерал. В починку котлы принимаете?

Широков. Принимаем, ваше превосходительство.

Полицмейстер. Весьма жаль, что у вас не чинят музыкальных инструментов. У меня фагот испортился.

Генерал. Вы? играете на фаготе?

Полицмейстер. Для себя и весьма редко, ваше превосходительство.

Генерал. Для вашей комплекции больше подошел бы трамбон или труба... А это что такое? (*Тычет пальцем в печатный станок.*)

Мастер. Печатный станок чинят.

Полицмейстер. Гм! Для каких целей?

Широков. Для слепых. Из благотворительного общества прислали.

Генерал. А-а-а! Для слепых... это другое дело.

Сергей (*мастеру*). Винты для валика маловаты, нужно бы на номер побольше.

Мастер. Как? Уже валик ставите?

Яковлев (*гордо*). Ставим.

Мастер. Быстро управились. Я думал—послезавтра закончите.

Сергей. Раньше закончим.

Генерал. Молодцы. Старайтесь, старайтесь!

Яковлев сияет, Сергей лукаво улыбается.

Генерал (*к Широкову*). Который час, Алексей Саввич. Я на концерт не опоздаю?

Асеев (*набравшись храбрости*). Алексей Саввич, а нам можно сегодня в городской театр итти?

Широков. А что там такое?

Полицмейстер. Студенческий вечер.

Широков. Студенческий вечер? Ни в коем случае. (*Ему хочется показать гостям, как в его училище строго поставлен „надзор" за учениками.*) Я не люблю обиняков и скажу прямо. За последнее время студенты взяли странную манеру устраивать демонстрации. Расхаживать по улице с красными флагами и распевать возмутительные песни. Посему всякие посещения вами студенческих вечеров, концертов и тому подобных зрелищ нежелательны и повлекут за собой исключение из училища. Без всякой жалости! (*Важно уходит с гостями.*)

Яковлев. Вот так, Митя, отпросился.

Сергей. Вася, Митя, ну давайте, давайте, пошевеливайтесь. Гости только от дела отвлекли. Где валик-то?

Асеев. Не знаю где. В театр не пускают, а я для них стараться буду?!

Яковлев. Верно, Сереж, для чего такая спешка? Устал я.

Сергей. Заказчики ждут.

Яковлев. Ну и пусть подождут.

Сергей. Чего ты торгуешься? Ведь только валик пригнать осталось—и все.

Асеев. Похвалил генерал, а он готов в лепешку разбиться. Не ожидал я, Сергей, от тебя этого.

Сергей (*не слушая, поднимает с пола валик*). Иди-ка на свое место, дружище. Васька, да помоги немного.

Фатеев (*бросаясь*). Я помогу. (*Помогает.*)

Сергей делает несколько поворотов и завинчивает винты.

Сергей. Ну вот и все готово!

Фатеев. Теперь пусть будут заказчики приходить.

Сергей. Будь спокоен... Придут! (*Торжественно ставит станок на окно.*)

Яковлев. Зачем ты его на окошко поставил?

Сергей (*шутливо и важно*). А как же. Хороший товар всегда на выставке.

Асеев. Эх, знал бы, лучше не просился. Чорт их на нашу голову принес.

Сергей. Никто их не принес, сами пришли—и не спроста.

Яковлев. А зачем же они приходили?

Сергей. Зачем? А вот я вам сейчас скажу зачем. (*Фатееву*) Иди покарауль у дверей. (*Стучит железной палкой по опрокинутому котлу. Все ученики окружают его.*) Нарочно они пришли—посмотреть, какое настроение у нас в училище. В городе большая демонстрация готовится. На Крестовниковском кислотном обварился старый рабочий—Ефимыч. Он в больнице умер. Это Крестовниковы виноваты, что изувечился и помер.

Григорьев. А у нас на дворе говорят, что сам виноват: бутыль опрокинул.

Сергей. А я тебе говорю, что у них это случай не

первый. В кислотном даже рукавиц не дают. Попробуй голыми руками кислоту переливать?! Сами заводчики блаженствуют, ни черта не делают, а рабочие в нужде живут, отдыха не знают и погибают по вине хозяев. Через три дня Ефимыча хоронить будут. Весь город на демонстрацию придет. Чем больше, тем лучше. А мы как? Неужели не пойдем?

Голоса. Пойдем, обязательно пойдем. (*Шум и волнение среди учеников.*) Когда итти? Как итти?

Сергей (*Асееву*). Ну, собирайся, а то опоздаем.

Асеев. Куда?

Сергей. Ты же на вечер отпрашивался?

Яковлев. А билеты?

Сергей. Имеются. (*Вытаскивает три билета.*)

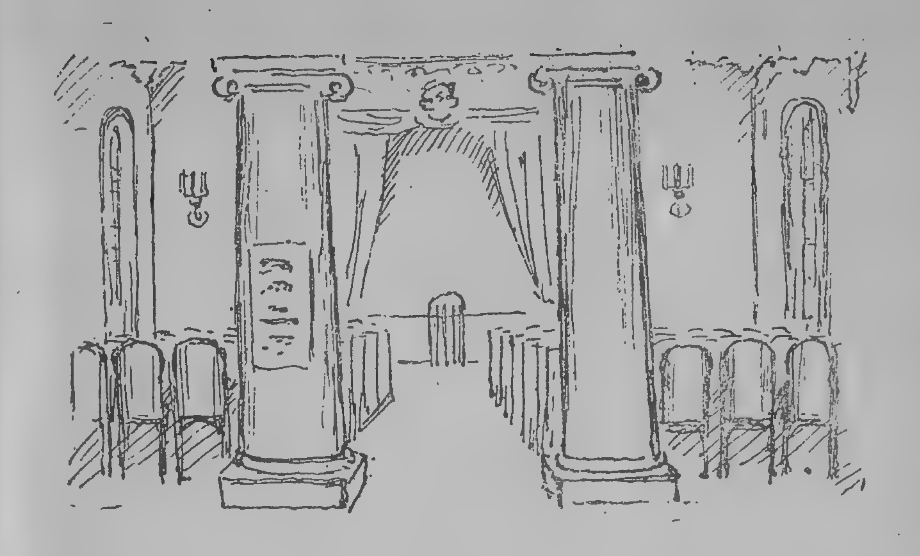
Асеев (*бросается обнимать Сергея*). Ах ты, чертяка эдакий! Чего же ты молчал? Друг дорогой!

Сергей. Отстань, Митька. (*Вырывается.*)

Яковлев. Билеты-то билетами, а вот как без разрешения пойдем?

Асеев (*окончательно развеселившись*). А вот так. Возьмем — и пойдем! (*С этими словами он изображает двумя пальцами на груди Яковлева походку человека.*)

Занавес



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Студенческий вечер в Казанском городском театре в пользу неимущих студентов. Зал. Слышно, как военный оркестр играет вальс из оперы „Фауст". В киосках, украшенных елкой и фонариками, студенты и курсистки продают программы, цветы и сласти. Проходят, оживленно разговаривая, пары. Пробегает студент, напевая из „Фауста": „Расскажите вы ей, цветы мои". Он догоняет гимназистку, у которой на ленте висит маленький почтовый ящик с надписью: „Почта Амура". У многих студентов на груди приколоты номерки для Почты Амура. На переднем плане две большие колонны, на одной из них висит программа сегодняшнего вечера. Гремит музыка. Все прибывает и прибывает учащаяся молодежь. Появляются Костриков, Асеев и Яковлев.

Сергей (*взволнованно, оглядываясь по сторонам*). Пойдемте еще в коридорах посмотрим.

Яковлев. Да он не пришел, наверно.

Сергей (*горячо*). Не может быть!.. (*сразу спохватывается*) чтоб на такой вечер не пришел.

Асеев. Не понимаю, зачем тебе этот студент понадобился.

Сергей. Зачем? Хочу поблагодарить Виктора Петровича за билеты.

Яковлев. Это верно. Не дай он билетов, на вечер бы нам не попасть. Ну, пошли разыскивать.

Сергей. Сначала оглядеться нужно, как бы на начальство не налететь.

Появляется Гимназистка с Почтой Амура. Предлагает им билетики.

Гимназистка. Возьмите номера для Почты Амура. (*Сергею*) Вам девяносто шестой, вам (*Асееву*) сто третий, а вам (*Яковлеву*) тридцать седьмой.

Асеев (*мечтательно*). Может, кто и напишет. (*Прикалывает номер.*)

Сергей (*подмигнув Яковлеву*). Например, какая-нибудь красавица-королева.

Яковлев. Которая охотится за медведем.

Асеев. Дурак, за оленем.

Яковлев. Я и говорю — за диким бегемотом.

Асеев. Отстань, Васька. (*Сжимает кулаки. Вдруг круто поворачивается к Сергею*) Гляди, Виктор Петрович пришел.

Сергей. Где?

Асеев. А вон у дверей к нам спиной стоит.

Товарищи бросаются и останавливаются на месте. Прямо на них идет Макаров.

Асеев. Ох, Макарка! (*Не дав надзирателю опомниться, выпаливает*) Нас, Панфил Никитич, сам инспектор отпустил за хорошее поведение и старательную работу.

Макаров (*озадаченный*). Вы не врете? Я все равно проверю.

Яковлев. Чистая правда! Ей-богу!

Появляется Галя, которая выручает ребят.

Галя (*Макарову*). Пожалуйста, не угодно ли программу, конфеты.

Макаров. Спасибо. Программа имеется, сладкого не ем.

Галя. Живые цветы, гвоздики, розы...

Макаров. Я, барышня, цветы признаю только на грунту. (*Круто поворачивается, чтобы итти.*)

Неожиданно подбегает Гимназистка с Почтой Амура.

Гимназистка. Возьмите, пожалуйста, номер для почты.

Макаров. Я не гимназист, конечно, но, пожалуй, номерок возьму.

Гимназистка. Приколоть?

Макаров (*выпячивая грудь*). Можно.

Гимназистка прикалывает номер, и Макаров важно уходит, уверенный, что он неотразим. Из-за колонны появляются товарищи. Гимназистка подходит к ним.

Гимназистка. У кого из вас номер девяносто шестой?

Сергей. У меня.

Гимназистка. Вам письмо. (*Отдает конверт и спешит дальше.*)

Сергей читает, Асеев заглядывает через плечо.

Асеев. Буду ждать в Державинском сквере.

Сергей закрывает письмо рукой.

Асеев. От барышни. Ей-богу, от барышни. На свидание приглашает. Да?

Сергей улыбается, делая вид, что догадка Асеева правильна.

Яковлев. Сережа, возьми нас с собой.

Сергей. Не могу. Кто же на свидание втроем ходит.

Асеев. А еще товарищ называется!

Сергей. Я сначала познакомлюсь, а потом и вас с ней познакомлю.

Асеев. Только обязательно познакомь.

В это время Галя проходит мимо Сергея и окликает его по имени. Сергей делает шаг ей навстречу.

Галя (*быстро*). Письмо получил?

Сергей. Да.

Галя. Виктор будет ждать! (*Уходит.*)

Появляются Широков, Полицмейстер и Генерал.

Широков (*в черном сюртуке, с орденом Анны на шее. Улыбаясь, полицмейстеру*). Вы у нас, милейший, заправский театрал. Ни одного концерта не пропускаете.

Полицмейстер. Служба. Ничего не поделаешь. (*Вздохнув*) По фойе, знаете, гуляю, а сам как на иголках... Только и жди! Сурприза!

Генерал. Ну, что вы? Вот, скажем, сегодня все идет тихо, пристойно.

Полицмейстер. Тихо, тихо, да вдруг — бах! Ухо держать востро надо.

Широков (*многозначительно*). Это верно. Студенческий вечер.

Проходят. Появляется Макаров. Он мечется, кого-то ищет. Увидев Широкова, бросается к нему; вспомнив о номерке Почты Амура, срывает его.

Макаров. Алексей Саввич, здесь наши ученики — Костриков, Асеев и Яковлев. Говорят — с вашего разрешения.

Широков. Наглая ложь—и не думал разрешать. Немедленно отправьте их домой.

Макаров. Я их сейчас найду. (*Бросается разыскивать учеников.*)

Полицмейстер. Что я вам говорил? Это еще цветочки.

Все уходят. Слева появляются Сергей, Асеев и Яковлев. Раздается звонок.

Студент-распорядитель. Господа, прошу занять места. Сейчас начнется второе отделение концерта.

Публика на авансцене проходит в зал и занимает стулья. Выскакивает Макаров и сталкивается нос с носом с учениками.

Макаров (*трясясь от злости*). Стыдно, господа, врать, стыдно. Алексей Саввич и не думал вам давать разрешение. Прошу сию же минуту оставить театр и отправляться домой.

Товарищи, уныло опустив головы, идут направо. Макаров важно провожает их, сам возвращается обратно и занимает стул. Темнота на авансцене. В глубине на эстраде появляется Студент-распорядитель. Широков, Полицмейстер и Генерал усаживаются в ложах.

Студент. Начинаем второе отделение нашего концерта в пользу неимущих студентов.

В это время Сергей, Асеев и Яковлев на цыпочках входят в зал и становятся за колонну.

Сергей (*шопотом*). Вот здесь и станем.

Студент. Концерт проводится силами студентов Казанского университета. Первым номером нашей программы мелодекламация „Умирающий лебедь" Бальмонта, музыка Сен-Санса. Исполняет студент Казанского университета Павловский. У рояля ученица Московской консерватории мадемуазель Фельдман.

Входят Гимназистка в черном платье, с красными гвоздиками у пояса и Студент.

Сергей. Смотрите, это же Федор.

Асеев. Верно, он.

Гимназистка берет аккорд, и Федор начинает.

Федор. „Над седой равниной моря ветер тучи собирает..."

В зале легкий шорох и шопот.

Федор. „Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

„То волны крылом касаясь, то стрелой взметая к тучам, он кричит, и тучи слышат ярость в смелом крике птицы.

„В этом крике жажда бури. Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике..."

Голоса студентов из публики. Браво, бис! Бис!... Браво!

Аплодисменты.

Полицмейстер. Немедленно занавес. Прекратить безобразие.

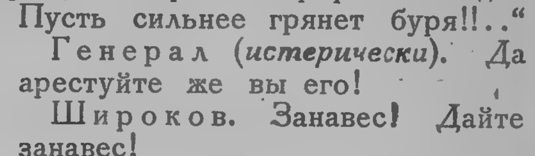
Яковлев. Чего он беснуется?

Студент-сосед. „Буревестника“ читает. Запрещенные стихи Горького.

Полицмейстер. Занавес! Дайте занавес! (*Машет перчаткой.*)

Полицейские свистки. Придерживая шашки, вбегают городовые.

Федор (*еще громче*). „Буря, скоро грянет буря. Это смелый буревестник гордо реет между молний над ревущим гневным морем, то кричит пророк победы.



Пусть сильнее грянет буря!!..“

Генерал (*истерически*). Да арестуйте же вы его!

Широков. Занавес! Дайте занавес!

На сцену лезет городовой. Занавес медленно опускается. Видно, как Федор исчезает за кулисами.

Голоса из публики. „Буря, скоро грянет буря! То кричит пророк победы. Пусть сильнее грянет буря!“

Шум и волнение нарастают в зале. Публика бросается к выходу. Сергей, Асеев и Яковлев, забыв все на свете, стоят, неистово аплодируя.

Алексей Саввич. Как?! Вы не ушли? Завтра с утра в карцер на двенадцать часов. (*Возмущенный, уходит.*)

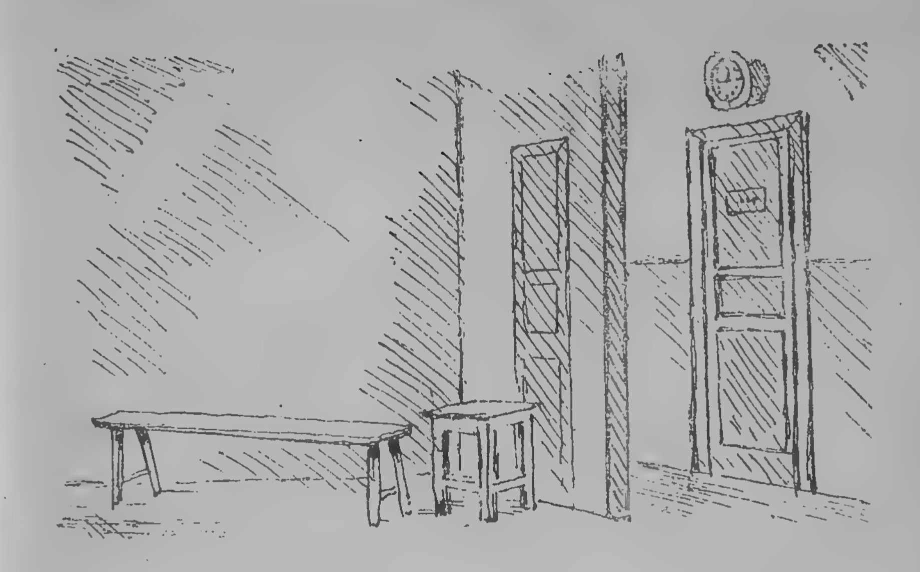
Сергей бросается вперед.

Асеев. Ты куда?

Сергей. На свиданье, меня ждут.

„Пусть сильнее грянет буря!“—несутся голоса студентов, свистят городовые.

Занавес



КАРТИНА ВТОРАЯ

Школьный коридор. Разрез карцера. Полутемная, узкая комната. В ней табуретка и скамейка. На скамейке верхом сидит Асеев. На табуретке, скрестив руки и прислонившись спиной к стене, дремлет Яковлев. Сергей нервно ходит взад-вперед. Видно — товарищи сидят давно и уже устали.

Асеев (*напевает уныло*).

Днем и ночью часовые
Да, э-эх, стерегут мое окно.

Сергей. Который час?! Как бы узнать, который час?

Асеев. На что тебе? Все равно в карцере сидим.

Сергей. Да, в карцере сидим... (*Неожиданно Яковлеву*) Слушай, Вась! А мы винты слева закрепили?

Яковлев (*недоуменно*). Какие винты?

Сергей. Ну на станке, который чинили.

Яковлев. С чего это ты вдруг вспомнил?

Сергей. Просто... так! (*Быстро ходит взад и вперед.*)

Пауза.

Яковлев. Еще, может, исключат?!

Асеев. Откуда ты это взял?

Яковлев. Из пальца высосал. Ты не помнишь, что в театре было? Если меня выгонят, мать такую взбучку даст.

Асеев. Нет, у меня мамаша добрая, а вот от отца здорово попадет.

Сергей. Ты зря боишься. Не исключат. Отсидим двенадцать часов в карцере, и выпустят.

Яковлев. А если выгонят, тогда что?

Сергей. Тогда. (*Пауза.*) А не пропадем! Если у человека голова на плечах и руки здоровые, он никогда не пропадет. Пойдем все трое на завод рабочими. Днем на заводе будем работать, вечерами заниматься. В воскресную школу устроимся. Знакомые студенты помогут. Виктор Петрович или Федор... Сдадим экзамен. Можно за восемь классов гимназии сдать, только бы желание было.

Яковлев. А жить опять втроем будем. Втроем дешевле. Еще прирабатывать можно — чертежи на дом брать.

Сергей (*думая о своем*). На заводе вместе с рабочими против хозяев бастовать будем. Стачки устраивать, демонстрации, с красным флагом пойдем...

Асеев. Против царя?

Сергей. Ну да, против царя и фабрикантов. За революцию.

Яковлев. А ты думаешь — революция будет?

Сергей (*помолчав*). Будет! Обязательно будет!

Асеев. А царя по шапке?

Сергей. Угу!

Яковлев. Слушай, Сережа, а кто же тогда Россией править будет?

Сергей. Кто? Народ.

Асеев. Народ! Вот здорово было бы. Верно, Сережа? А?..

Сергей (*улыбаясь*). Еще бы плохо! В университете бесплатно учить будут. Захотел ты дальше учиться, — пожалуйста, сделайте одолжение! Дверь открыта!.. (*Широко откидывает в сторону руку, словно открывает настежь большую дверь.*) Хочешь на доктора — учись на доктора, хочешь на инженера — учись на инженера или на какого-нибудь ученого историка.

Яковлев. Я бы хотел на судью!

Сергей. Можно и на судью.

Асеев. А я — на инженера-путейца или на геолога. По всей России бы поехал! В инженерской фуражке, с кокардой! А ведь верно, чорт возьми, Сергей, — не пропадем!

Сергей. Не пропадем! Не пр-ропадем! Не про-падем! (*Сам не замечая, переходит на мотив „Марсельезы“.*)

Асеев. Вставай, подымайся...

Сергей. Рабочий народ...

Все трое. Иди на врага, люд голодный!
Раздайся крик мести народной!..

В коридоре появляется Макаров и в испуге застывает с раскрытым ртом. Подбежав к двери карцера, стучит.

Макаров. Замолчите! Вы с ума сошли. В стенах училища такие песни! Замолчать!

„Вперед! Вперед! Вперед!..“ — раздается из карцера.

Макаров. Я к Алексею Саввичу пойду! (*Чуть не плача, бежит в кабинет инспектора.*)

Асеев. Вот гнус. Доносить побег.

Яковлев. И чтоб ему от лихорадки помереть.

Сергей. Такие мокрицы до ста лет живут. Эх, сделает он нам гадость.

Яковлев. А что он сделает?

Сергей. Донесет Алексею Саввичу, а тот как даст еще восемь часов карцера!

Асеев. Все равно, семь бед—один ответ.

Сергей (*вскакивая*). Я не хочу больше сидеть в карцере, не хочу!

Асеев. А тебя и не спросят.

К двери карцера подходит Фатеев. Осторожный стук в дверь.

Фатеев. Костриков, это я, Фатеев. Я у химика

отпросился—будто в уборную. Слушайте, ребята, мы всем классом на перемене будем за вас просить. К директору пойдем, чтобы из карцера выпустили.

Асеев. Просите, ребята, сидеть больно тошно.

Фатеев. Будем просить. Ой, идет кто-то! (*Прячется за выступ двери.*)

Макаров (*выйдя из кабинета и заложив руки за спину, проходит, не замечая Фатеева*). Завтра, голубчики, как исключат, так по-другому запоете. (*Уходит.*)

Фатеев. Исключат! (*Бросается обратно в класс.*)

Раздается звонок.

Асеев. Перемена! Ура!..

Пауза. Издали нарастает шум голосов. В коридоре появляются школьники, они возмущены.

Голоса. Пусть отменит исключение!

Григорьев. Стучите, ребята, в дверь!

Голос. Может, инспектора нет?

Фатеев. Стучи громче. Я сам видел, как Макаров из кабинета шел. (*Начинает барабанить в дверь.*)

Макаров (*появляясь*). Что такое? Что вы безобразничаете?

Голоса. Нам нужно Алексея Саввича!

Макаров. Его нет в городе. Он уехал.

Фатеев. Неправда, он в кабинете! Просим отменить исключение!

Григорьев. Оставьте в училище Кострикова, Асеева, Яковлева.

Голоса Не будем заниматься! (*Стучат*) Откройте дверь!

Макаров. Инспектор уехал.

Фатеев. Неправда!

Макаров. За грубость в карцер.

Крик: „Сажайте в карцер всех!"

Григорьев (*в замочную скважину*). Ребята, Алексей Саввич в кабинете, по телефону говорит.

Фатеев (*возмущенно кричит*). Соврал!.. Соврал!..

Макаров. Это безобразие! (*Убегает.*)

Ученики толпятся у двери.

Голоса. Что ж теперь делать? Как быть?

Григорьев. Нужно, как студенты, на улицу итти, протестовать.

Голоса. Правильно! Пошли, ребята!

Фатеев. Красный флаг надо!

Григорьев. А где его возьмешь?

Фатеев. Стойте! Я знаю! Сейчас принесу! (*Убегает.*)

Голоса. Прямо на Грузинскую улицу пойдем!

Фатеев (*притаскивает огромный трехцветный флаг*). Вот, в актовом зале взял!

Григорьев. Дурак, это ж царский!

Фатеев. Сам ты дурная голова! Давай перочинный нож! Держи! (*Отрывает два полотнища. Остается одно красное.*)

Голоса. Ура, Фатеев!

Фатеев. Запевай, Григорьев! (*Подбегает к дверям карцера.*) Костриков, мы на Грузинскую улицу пошли за вас, чтоб не исключали. Здесь ничего не выйдет, не выпустят так. Нужно на улицу итти.

Все трое. Идите, ребята, идите!

Фатеев. Ну, пошли!

Григорьев (*запевает на мотив „Марсельезы“*).

Был нам дорог храм юной науки,
Но свобода дороже была!
Против рабства мы подняли руки,
Против ига, насилья и зла!
Пусть нас ждут офицерские плети...

Песню подхватывают в карцере Сергей, Асеев и Яковлев.

Казематы, тюрьма и сухарь,
Но зато будут знать наши дети,
Как отцы их боролися встарь!..

Ученики собираются итти, как вдруг появляется Полицмейстер в шинели и фуражке и с ним штатский Генерал.

Полицмейстер. Стойте! Я приказываю вам остановиться!

Ученики смолкли и застыли на месте. Слева поспешно навстречу Генералу и Полицмейстеру выходят Широков и Макаров. На авансцене, шопотом.

Широков. В училище бунт. Придется исключить зачинщиков. Я их посадил в карцер.

Полицмейстер. Ни в коем случае не исключать. Не придавайте политического значения этой истории. Брожение охватило всю Россию. В Петербурге на Путиловском заводе опять стачка. У нас в Казани неспокойно на Крестовниковском.

Генерал. Предлагаю этих молодцов выпустить из карцера... и оставить в училище, а от полиции они никогда не уйдут.

Широков (*громко Макарову*). Выпустить!

Макаров. Выпустить?

Широков. Я сказал! Выпустить!

Макаров выпускает Кострикова, Асеева и Яковлева. Среди учеников гул и волнение.

Голоса. Выпустили, выпустили!

Полицмейстер. Тише! Стать в шеренгу!

Ученики становятся в шеренгу.

Полицмейстер. Я хочу сказать вам несколько слов. То, что я видел здесь, не имеет никакого названия. В стенах казенного учреждения вы устраиваете бунт! А! Как назвать ваш поступок иначе?! А?! Многие из вас на казенный счет учатся. Вы понимаете это? А? Только несовершеннолетием и молодостью можно объяснить ваш необдуманный шаг. (*Пауза.*) Теперь инспектор скажет вам несколько слов. (*Многозначительно переглядывается с Широковым.*)

Широков (*хрипло и отрывисто*). Разговор мой будет короток. Довожу до вашего сведения, что ученики Костриков, Асеев и Яковлев исключены... не будут!!

Гул облегчения и радости в толпе. Начальство быстро уходит влево в кабинет Широкова. Кострикова, Асеева и Яковлева окружили ученики.

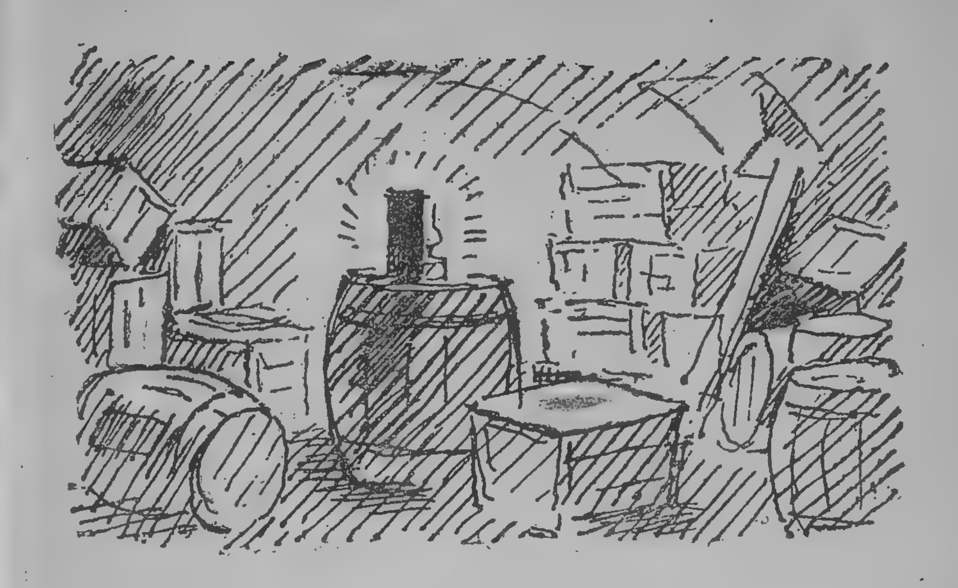
Голоса. Ура! Не исключили! Ура! Качать их!

Сергей (*вырываясь*). Пустите меня, ребята! Который час?

Григорьев. Половина девятого.

Сергей (*бросается бежать*). Половина девятого. Ой, неужели опоздал!?

Занавес



КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Низкий, темный подвал. По углам нагромождены пустые большие бочки, ящики и доски. Единственное окно забито. Подвал освещен керосиновой лампочкой, которая стоит на днище одной из бочек. Засучив рукава, Виктор Петрович печатает листовки на гектографе. Готовые листочки сохнут, развешанные на ящиках и бочках. Филиппов и Галя снимают просохшие листовки и складывают их в стопки.

Виктор Петрович (*Филиппову*). Ну как?

Филиппов. Чего-то долго не просыхают.

Виктор Петрович. Сколько всего?

Филиппов. У меня триста восемь.

Галя. У меня двести одиннадцать.

Виктор Петрович. Мало. Далеко на гектографе не ускачешь. Ну что семьсот листовок на всю Казань — капля в море. Галя, сколько времени?

Галя (*взглянув на свои часы*). Скоро двенадцать. Что же это его нет?

Филиппов. Не случилось ли чего с парнем?

Виктор Петрович. Нет, все улажено. Прибегал Яковлев.

Галя (*радостно*). Улажено? Значит, их оставили в училище?

Виктор Петрович. Оставили, только карцером ребята отделались. Струхнуло начальство. Побоялись исключить.

Слышны чьи-то шаги. Все настораживаются. Виктор Петрович, заслонив глаза от света, вглядывается. Появляется рабочий Михайла.

Михайла. На улице все спокойно. Никого не видать. Дай-ка прикурить. (*Прикуривая*) Что-то наш техник-механик запропал?!

Виктор Петрович. Не такое простое дело — станок из мастерской взять.

Михайла. Да разве я не понимаю, Виктор Петрович?.. За парнишку беспокойно. Ну, прикурил, пойду опять караулить.

Виктор Петрович. С улицы света не видно?

Михайла. Не видать. (*Уходит.*)

Галя. Виктор, а может — он нас найти не может?

Виктор Петрович. Адрес я ему подробно объяснил. Даже сказал, сколько ступенек в подвале.

Федор. А пароль он знает?

Виктор Петрович. Ну, конечно. Сортируйте-ка, товарищи, листовки по заводам. Пока будем считать восемь мест: завод Крестовниковых, фабрика Габайдулина, Алафузовка, печатники с Нижне-Проломной, железнодоро...

Раскрывается дверь, вбегает Михайла.

Михайла. Беда! Дворник идет! Наверное, с полицией!

Галя (*выронив листовку*). Открыли!

Виктор Петрович. Спокойствие, Галя. (*Поспешно прячет гектограф под ящик.*) Забирайте, товарищи, листовки. Осторожно ко второму выходу. Уходить по одному через кладовую. (*Тушит лампу и перекладывает револьвер в боковой карман тужурки.*)

Дверь медленно открывается. Освещенная лунным светом со двора, входит фигура в бараньем тулупе с поднятым воротником. Фигура, бормоча, спускается по ступенькам.

Фигура. Шесть... Семь... Восемь... Правильно.

Виктор Петрович (*преграждая путь*). В чем дело?

Фигура. За ответом для Ефимыча.

Виктор Петрович. Сергей! Товарищи, Сергей пришел!.. (*Чиркает спички.*)

Зажигается лампа. Сергей стоит около ящика в бараньем тулупе, на голове ушанка. В руках он держит плетеную бельевую корзинку, перевязанную крест-накрест веревкой.

Михайла. Ловко! Вот так дворник. А я тебя за настоящего принял...

Галя (*перебивая*). Товарищи, а я сразу догадалась. Честное слово, догадалась. Он шел и ступеньки считал.

Сергей. Верно, считал. (*Сбрасывает тулуп.*) Побоялся я в шинели итти. Сразу, думаю, подозрение у городовых вызовет. В промышленной форме, ночью, да еще с корзинкой.

Филиппов. Смекалистый парень.

Виктор Петрович. Это ты, Сергей, действительно остроумно придумал — под видом дворника прошел. Молодец! (*Тревожно*) Слушай, а откуда ты тулуп достал?

Сергей. У дворника-земляка взял, сказал, что для спектакля.

Филиппов. И корзинка его?

Сергей. Корзинка моя, уржумская. (*Развязывает веревку.*) Виктор Петрович, а текст и краска есть?

Федор. Все, друг, есть, дело только за станком.

Сергей. Станок сейчас. (*Нагибаясь над корзинкой*) Сейчас вытащу.

Виктор Петрович (*выдвигает на середину ящик, вытаскивает запрятанный гектограф*). Значит, товарищи, так. Готовые листовки в шесть утра доставляем на место. Вы (*Филиппову и Михайле*) на Крестовниковский, ты, Галя, часть листовок раздашь у себя на курсах, часть — на фабрику Габайдулина. Я беру в университет и железнодорожникам, Федор — на Алафузовку...

Сергей выжидающе глядит на Виктора Петровича.

Виктор Петрович. Ну, а ты... товарищ Сергей, пойдешь с листовками на парафиновый завод.

Сергей поднимает станок.

Виктор Петрович. Ставь сюда, и скорей...

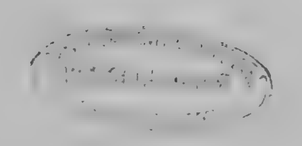
Филиппов. За работу. (*Дает Сергею лист бумаги.*)

Сергей. Это текст?

Филиппов (*кивая головой*). Написано от руки. Поймешь?

Сергей (*читает*). „Товарищи! Пора нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми опутали нас капиталисты и царское правительство... чтоб держать в угнетении... Пора! Долой самодержавие! Долой эксплоататоров! Да здравствует свобода! Да здравствует революция!..“ Все ясно! (*Широким жестом кладет перед собой текст.*)

Занавес



Для среднего возраста

Редактор Я. Мерзон. Художн.-редактор И. Каплан. Технич. редактор Н. Родченко. Корректора М. Беляева и Н. Томин. Сдано в производство 10/XI 1939 г. Подписано к печати 21/XI 1939 г. Д-7. Лендетиздат № 321. Леноблгорлит № 5533. Печ. л. 3 1/4. У. а. л. 2,36. Авт. л. 2,03. Бум. л. 13/16. (Печ. зн. в 1 бум. л. 148.608). Формат бумаги 84×108 1/32. Тираж 25000. Заказ № 3478. 2-я фабрика детской книги Детиздата ЦК ВЛКСМ. Ленинград, 2-я Советская, д. 7.

Цена 75 к. Переплет 75 к.

